

Маленький Хо Цзе так бунтовал потому, что битва за город уже началась, а его брата, князя — Стража Севера, не было дома. Он, хоть и мал ростом, был единственным мужчиной в семье и чувствовал ответственность за честь дома. Не хотел, чтобы над ними глумились.

Вражеская атака была яростной и стремительной. Они подготовились основательно: тараны, огромные брёвна, катапульты — всего вдоволь. Вскоре взметнулись осадные лестницы, перекинулись штурмовые мостки. Сзади прикрывали мощные арбалеты, а передовые отряды, не щадя жизней, прокладывали путь!

Защитники Цзююаня тоже не лыком шиты. Горячее масло, глыбы камней, ливень стрел — все средства защиты пошли в ход! Однако оборона города — не полевое сражение, манёвров тут меньше. Главное — удержаться. Но когда враг бьёт без передышки, отступить нельзя — приходится держаться до конца.

Некоторое время спустя потери понесли обе стороны, хотя враг потерял куда больше, и положение казалось выгодным для обороняющихся. Но врагов была тьма, они лезли вперёд, не жалея жизней, выкладываясь полностью, — казалось, готовы биться насмерть. Как долго можно продержаться?

Час продержишься, полдня продержишься... а потом? Такая вражеская тактика оказывала на защитников чудовищное давление. Если боевой дух падёт, всё может перевернуться в мгновение ока!

Метель стихла, небо прояснилось, а Гу Тин, всё ещё не уехавший, чувствовал беспокойство.

Эта осада прекратилась около полудня. Момент был выбран тонко: когда защитники, кипящие от ярости, не могли выйти и дать бой, и раздражение их достигло предела.

Какое объяснение дал враг? Пора поесть! Поедим — продолжим!

Гу Тин почуял неладное, но не мог понять, что именно. Он в военном деле не разбирался, не знал, откуда пришли эти враги. Без информации он был слеп и не мог строить догадок. Если бы только кто-нибудь рассказал ему, откуда они...

Он не знал, что его надежда, Мэн Чжэнь, уже мчался к нему во весь опор сквозь снега и ветер.

Мэн Чжэнь сбежал на рассвете, оставив брату лишь письмо. Он знал, что поступает самонадеянно, но не плакал и не кашлял кровью. Напротив, на душе у него было легко и просторно!

За сотню ли от города Мэн Цэ, лицо которого почернело от гнева, развернул лист, исписанный круглым, милым почерком брата.

«Дорогой брат,

когда ты проснёшься и не найдёшь меня, ты и так поймёшь, куда я отправился. Объяснять не буду. Прости, я, кажется, снова поступаю своевольно. Ты говорил, что хочешь, чтобы я был счастлив и оставался собой, но я уже забыл, как это — быть собой. Я пытался быть послушным, не обременять тебя, но, кажется, ты уже привык к моей ноше. Я боялся громко плакать, тайком кашлял кровью, прятал окровавленные платки, но ты, наверное, всё знал — ведь платки мои вечно пропадали, а наутро рядом оказывался новый. Мне было плохо, а я растягивал рот в улыбке, хотел показать, что всё в порядке. Но потом я подумал: ты в ответ тоже улыбался, но выглядел при этом так, словно плачешь. Тебе тоже было больно.

Мне всегда казалось, что я тебе должен. И тебе, наверное, тоже.

Гу Тин говорил: между друзьями нет долгов. Я ему должен, он мне должен, я возвращаю, он возвращает — в конце концов, и не разберёшь, кто кому больше должен. Так и рождается доверие, такая связь и возникает. Думаю, в семье то же самое. Я не боюсь быть твоим должником и не считаю, сколько ты мне должен. Если ты так не думаешь, значит, ещё не вырос, — задумайся об этом.

Раньше у меня не было иной цели, кроме как слушаться тебя и не быть обузой. Теперь я хочу быть с Гу Тином, сказать ему, откуда ждать беды, и, если смогу, помочь. Гу Тин — хороший человек. Он первый, кто не смотрел на меня свысока и не искал во мне выгоды. Он дорог мне, и терять его я не хочу. Моя жизнь — это моя забота.

Этой ночью, когда эта мысль пришла мне в голову, ночь была холодной, а мне не было холодно. Я знал, как укрыться потеплее, не кашлять кровью и не плакать. Я был счастлив. Я знаю, ты разозлишься из-за моего самовольства, но, узнав, что я счастлив, ты не расстроишься.

Брат, не волнуйся, я буду в порядке. Я не дурак. Когда я раньше терялся, многие пытались меня увести, но я всегда убегал. Я знаю, как защититься. Ты занят, дома важные дела, — не ищи меня. Я увёл твоего телохранителя Чжэн Ши, пригрозив ножом, — не вини его. Я ещё и яд из твоего мешка прихватил, но обращаться с ним умею, ты же знаешь. Обещаю тебе: не полезу в опасные дела. Если будет угроза, спасусь первым делом, не буду лезть в драку, велю Чжэн Ши меня увезти. Хорошо?

Вчера я думал всю ночь и понял: цель жизни не в том, чтобы слушаться и не беспокоить, а в том, чтобы стать тем, кем хочешь быть. И ты всё это время боролся именно за это. Я вырос. Всё, что у меня есть, — от тебя. И теперь я наконец становлюсь тем, кем ты хотел меня видеть. Ты гордишься мной? Радуетесь за меня?

Надеюсь, однажды и я смогу защитить тебя, стать твоей опорой.

В конце письма была нарисована жалкая, дрожащая кошка, а к ней стрелочка: «Когда вернусь, можно поменьше ударов по рукам?»

Мэн Цэ, дочитав, поднял голову к небу и прикрыл глаза ладонью.

Глупый брат... как же ты до сих пор не понимаешь...

Все эти годы ты был моей опорой, тем, что не давало мне потерять себя.

Это всегда ты защищал меня, не давая сбиться с пути.

Мэн Цэ аккуратно сложил письмо и вышел из комнаты.

Телохранитель Чжэн Ши подошёл за указаниями:

— Ваше высочество, пойдём за младшим господином?

— Нет, — Мэн Цэ прищурился, с тоской глянув в сторону Цзююаня, и вскочил в седло. — Сначала разберёмся с домашними делами, потом заберём.

Маленький повелитель взрослеет, он счастлив — как я могу ему мешать? Всё, чего я хочу в жизни, — чтобы он был счастлив. Только и всего. Кто посмеет его тронуть — пеняй на себя.

***

Мэн Чжэнь мчался, не разгибаясь, лицо его было напряжённым. Неведомо сколько времени спустя он наконец увидел вдали городские стены!

Но город осаждали...

Мэн Чжэнь готов был расплакаться от отчаяния:

— Что делать? Можно как-нибудь через стену перебраться?

Обычно — никак. Но если младший господин просит, как Чжэн Ши мог отказать? Боясь, что князь с него шкуру спустит, он ответил:

— Подождите немного, юный господин, я найду способ проникнуть внутрь!

***

В Цзююане Гу Тин никуда не уходил, оставаясь в своём углу и безвкусно пережёвывая пищу.

Бывает опасность: пока не знаешь о ней — страшно, а когда она проявляется, страх отступает, потому что начинаешь думать, как с ней справиться.

После перерыва в осаде произошло нечто ещё более странное.

Из вражеских рядов вышел добродушного вида мужчина средних лет и громко крикнул:

— Эй, на стене! Кому охота в такой холод драться? Лучше бы за столом с горячительной да закусочкой! Мы пришли не для того, чтобы Цзююань захватить. Нас мало — город взять можем, а удержать — вряд ли. К чему нам с простым народом враждовать, а?

Гу Тин медленно поднялся, засунув руки в рукава. «Началось», — подумал он.

Этот приём напоминал... удар кнутом, а теперь — время пряника. Но пряник ли это? Или за ним что-то скрывается?

И действительно, после любезностей тот выдвинул требование:

— Праздник на носу, семьи должны быть вместе. Мы, преклоняясь перед доблестью князя — Стража Севера, беспокоимся о его семье. Приглашаем вдовствующую великую княгиню и детей Хо к нам в гости. Обещаем окружить их заботой, чтобы чувствовали себя как дома, и ждём князя для воссоединения семьи! Если вы не станете препятствовать и передадите их нам, мы немедля уйдём, не тронув в Цзююане ни кирпича!

У Гу Тина в ушах будто что-то взорвалось. Вот что его беспокоило! Какие там «гости» — это же чистейшая угроза!

— Тьфу! — старый солдат на стене плюнул. — Ты что, с нашим князем на «ты»? Ты ему и сапоги чистить не годишься!

Вражеский глашатай прогремел в ответ:

— Я не с тобой разговариваю!

Старик не сдавался:

— Не со мной, а я тебе говорю: убирайся, хвост поджав! Никто сегодня за ворота не выйдет!

<http://bllate.org/book/16279/1466154>